

5. Носова М.С. Особенности детства в тыловом сибирском городе в годы Великой Отечественной войны (на примере Омска) // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2019. Том 4. № 2. С. 58–61.

6. Овчинников А.В. Власть и учительство в России в годы Великой Отечественной войны // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. Том 1. № 2 (66). С. 7–17.

7. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 46.

8. СОГАСПИ. Ф. 1474.

А.В. Власов

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет*

«ПОБЕДИТЕЛИ И ПОБЕЖДЕННЫЕ»: СЛОЖНОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СОТРУДНИКОВ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ И МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ

В 1945 году СССР вышел на новую колею своего развития, что послужило причиной для исследователей назвать последующий за этим годом восьмилетний период как рождение сверхдержавы. Этот год стал утверждением и триумфом советской внешней политики, исполнением революционного пророчества, когда советский строй и советская культура доказали всему миру свое превосходство в капиталистической «боюне». Рожденные в 1917 году и утвержденные в 1945 году чувство превосходства и ощущения себя победителями создавали предпосылки не только для конструирования «интернациональной по форме и национальной по содержанию имперской культуры», но и для распространения этой культуры во внешний мир или создание других культур по данному образцу.

Интересным примером в этой связи является существование оккупационной зависимости Восточной Германии от СССР в 1945-1949 гг., в рамках которой произойдет кристаллизация «особого пути» Германии в границах Германской Демократической республики. Масштаб изучения проблемы насколько «имперским» СССР был в самые различные этапы своего развития воистину огромный. Он же подкрепляется также значительным градусом спорности тех или иных положений. Тем не менее дискуссионность применения постколониальной теории к истории и культуре СССР не лишает нас возможности (и соблазна) ее использования. Совокупность теоретических концептов постколониальных исследований позволяет обратиться к уже традиционным источникам по советской оккупации в Германии – архивным документам и эго-документам – с новыми вопросами. Большинству исследований, посвященных как германскому вопросу в советской политике, так и советской оккупационной администрации, присуще интенционально телеологическое истолкование источников, затрудняющих раскрытие многих проблемных вопросов, проливающих свет на «глубинные» процессы советско-германского взаимодействия после войны.

Первые шаги в этом направлении были предприняты в исследованиях в современном историографическом поле, которое не отождествляет себя с постколониальными исследованиями. В частности, это работы немецких исследователей Яна Фойтчика и Эльке Шерстяной, призывающие к более тщательному анализу, казалось бы, уже устоявшихся положений на проблемы советской оккупации Германии после войны [3][5]. В русле этого «постревизионизма» уже в рамках данного выступления крайне важной выглядит исследование отечественного историка, проведенное в Германии и которое следует причислить к немецким историографическим традициям. Речь идет о работе А.А. Тихомирова «Лучший друг немецкого народа»: культ Сталина в Восточной Германии (1945–1961 гг.)», в которой было изучено «культурное ядро» Социалистической единой партии Германии и ГДР [4].

Процесс перехода от войны к миру после 1945 года стал важной частью советско-немецких взаимоотношений в XX веке, он создал не только новую модель взаимоотношений – победителей и побежденных, но и новый опыт переживания краха ценностной системы координат немцами, а также опыт утверждения и признания своей системы советскими гражданами. После наступления мира двустороннее восприятие стран определялось негативными стереотипами и образами врагов, обнажавших конфликт конгруэнтности между советским и немецким мирами. Данный конфликт приводил к рождению «причудливых форм» социального взаимодействия и смещению дискурсивных полей.

1. Новая модель взаимоотношений может быть описана с помощью методологической концепции «власти-гегемонии» А. Грамши. Принятие советской власти (на неопределенное время) немецким населением воспринималось, во-первых, по праву победителя, силой советской армии и советского народа, сокрушивших грандиозный модернистский проект Третьего Рейха, во-вторых, по праву признания превосходства уже советского модернистского проекта, который погрузил немецкое общество в состояние тотальной неопределенности. Добровольное принятие новых властных отношений уже с первых же дней стало испытывать сложную проверку на прочность, когда происходило конкурирование с западным демократическим и глобалистским проектом с помощью изоцированной системы пропаганды и экономического воздействия, что было вызвано союзнической оккупацией Германии. Положение Берлина здесь имеет особенное значение, что ярко проявлялось на протяжении конца 1940-х годов и второй половины XX века. «Власть-гегемония» в свою очередь создавала гибридную идентичность не только у немецкого населения, но и у советских военнослужащих и сотрудников.

2. Период оккупации помимо прочего способствовал выработке собственного «языка» в советско-германском взаимодействии и советско-советском взаимодействии [2]. На начальном этапе это выражалось в столкновении разных дискурсивных полей. Например, только ли страхом и раболепием руководствовался старый марксист В. Шмидт, обращаясь к Глав-

нокомандующему ГСОВГ-СВАГ Г.К. Жукову, называя адресата своей просьбой «Ваше Превосходительство»? [1] Как «националистический» курс, сформулированный в довоенный и военный период, соотносился с советским уже на территории Германии в период оккупации, если советское государство может только освобождать, а не оккупировать? Здесь же особый интерес представляет смена иерархических диспозиций, т. к. в ображаемой географии того же немецкого населения русское общество находилось ниже их самих, и это конструировалось не только в период существования Третьего Рейха. Теперь же самое немецкое общество находилось в подчинении советского общества, которое провозглашало моду эгалитарности.

3. Контролируя процессы производства знания, имея административные и идеологические инструменты по навязыванию новой идентичности, советская власть в период оккупации столкнулась не только со сложностью создания образа социалистического строя в новой Германии. Зависимое и подчиненное положение немецкого общества, не только в активным, но и пассивным воздействием изменяли идентичность советских граждан в оккупационной администрации. Этот же процесс усиливался при идеологическом и экономическом воздействии союзников на немецкое и советское общества. В языке того времени это нашло отражение в таких формулировках, как «обуржуазились», «низкопоклонство перед иностранщиной», «безродный космополитизм» и «американский империализм». То есть создавалась парадоксальная ситуация, когда сами представители «метрополии» боялись стать «колонируемыми» в стране, где политику «колонизации» они сами.

Изложенные тезисы отнюдь не бесспорны и нуждаются в апробации и обсуждении. За 1945-1949 гг. советский и немецкий миры создали огромное и далеко не однозначное для оценок историко-культурное пространство, позволяющее вновь и вновь возвращаться к нему с новыми вопросами в надежде постичь историческую «истину».

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7317. Оп. 2. Д. 2. Л. 1-2.
2. Козлов В.А., Козлова М.Е. «Бесчинства» как управленческий концепт. К пониманию военно-бюрократической культуры советского оккупационного режима в Германии (1945-1949 гг.) // Русский сборник. Исследования по истории России. Вып. XIV. М., 2013. С. 414-472.
3. Советская политика в отношении Германии, 1944-1954. Документы / сост., отв. ред. Я. Фойтцик. М., 2011.
4. Тихомиров А.А. «Лучший друг немецкого народа»: культ Сталина в Восточной Германии (1945-1961 гг.). М., 2014.
5. Шерстяной Э. Реформа Советской оккупационной политики в Германии на рубеже 1946-1947 годов // Новая и новейшая история. 2018. № 6. С. 68-88.